

Культура. — 1994. — 14 февр. — С. 7

Жил в Париже певчий дрозд

— А помнишь, какую бурю в начале 70-х вызвал его фильм «Жил певчий дрозд»? Как, мол, такое: бездельник; почти что тунеядец, музыкантишка-неудачник, ублажающий застолья,—герой Иоселиани?!

— Ну да, вот только когда парнишка погибает, жизнь, внешне продолжая идти своим чередом, как бы останавливается. Ушло из нее Добро, ушла беззаботная песня Счастья, перестали тикать часы... Какой фильм! И кое-кто тогда пытался свести его к проблемам тунеядства в Грузии. Глупцов всегда хватает...

Такой примерно разговор невольно подслушал я среди зрителей Дома Ханжонкова, где чествовали — в его отсутствие — Отара Иоселиани. Очень хотел режиссер приехать в Москву на свой юбилей, да не

смог. Поскольку занят работой над новой лентой в Париже. Где живет уже много лет. «Певчего дрозда» в Доме на Триумфальной показывали накануне. Теперь шла «Охота на бабочек» — многожды лауреат фестивалей. Со сцены на собравшихся в зале смотрел портрет мастера — молодого, времен «Пасторали» и «Дрозда». Еще будут в Доме Ханжонкова идти «Охота на бабочек», «Фавориты Луны», другие ленты выдающегося постановщика. Господи, кто ответит, почему в неприятельных вроде бы внешне, замедленных по фабуле, растворенных в причудливых киносказаниях лентах Иоселиани столько магии, притягательной силы — идет ли речь об истории испанского замка, об обитателях Парижа, о распаде семейных отношений дворянского рода...

На юбилей Мастера пришли режиссеры Реваз Чхеидзе, Дато Нацвлишвили, Владимир Хотиненко, Леонид Марягин, критик Кора Церетели, актриса Кетико Абуладзе и многие другие. Говорили о его творчестве. Отпраздновали за столом в Доме Ханжонкова 60-летие виновника торжества. И послали в Париж телеграмму: «Дорогой Отар! В этот радостный день мы собрались в уютном Доме Ханжонкова, чтобы поднять чарку грузинского вина за тебя — одного из самых благородных рыцарей современного кинематографа, да, пожалуй, и всего современного искусства. Жаль, что тебя нет с нами, отчего немного грустно...».

Представляю, как в почти вестерне уже Париже читает режиссер послание, в котором слились снега любимой им России и солнце родной Грузии. Земля его предков истерзана войной и междоусобицами. Но сквозь боли и раны Грузии пробивается удивительное искусство кинематографа. Живого, несмотря ни на что.

Александр ДОНСКОЙ.